

Пьесух В.

ДУРНИ — это, понятно, мы: до-
бывающие хлеб в поте лица
своего, страждущие, обделен-
ные, совестливые, коротающие жизнь
в унылых очередях и при этом охотно
верящие каждому неординарному ша-
лопану, который бередит наши раны и
одновременно навевает золотые сны.
Самое показательное, как разложишь
понятие «дурень» на составные, за-
ключается в том, что к обыкновенным
повесам с ораторскими способностями
мы относимся более или менее хлад-
нокровно, в духе поговорки «Мели,
Емеля, твоя неделя», но стоит ему вы-
двинуть какую-нибудь умопомрачи-
тельную теорию, сулящую, например,
моментальное построение государства
всеобщего благоденствия, либо пообещать
корякам остров Ньюфаундленд,
либо сообщить нам, будто энергетический
кризис спровоцировали цыгане,
как мы, дурни, сразу угадываем в нем
мессию и прямо шлем перед величи-
ем его бреда.

Такому наму дурность пот чем следу-
ет объяснить: обыкновенный человек,
тот самый совестливый, страждущий,
обделенный, и особенно если он рус-
ской фабрикации человек — тут все
то же самое, но в кидрате, — кошкой
своей, и то стесняется распорядиться,
поскольку он мыслит простыми при-
ветственными категориями, и если чем
готов жертвовать, так собой; естест-
венно, этот дурень будет благоговеть
перед существом как бы неземного
происхождения, которому ничего не
стоит ввергнуть миллионы людей в
кровапролитие из самых смутных со-
ображений, покуситься на очень уж
отдаленную территорию, и то высту-
дывать звание — «Друг детей»; естест-
венно, дурень, собитый с толку такой
исполинской наглостью, называет это
существо исторической личностью, да-
же геием и склонен поклониться ему,
как копты поклоняются крокодилам.
К тому же мы, дурни, обычно слабы,
ибо нравственны, и соединиться в стан
нам ни к чему, а геиши непобедимо
сильны единством противоположности,
и они терроризируют нас, как на зоне
десяток уроч терроризируют тысячи
«мужиков».

Сумасшедшие же — это... Вообще
сумасшедших гораздо больше, чем
принято полагать. Если исходить из
того, что по некоторым решающим по-
казателям человечество обретается вне
природы, что каждый человек рожда-
ется безукоризненно нравственным,
поскольку по крайней мере первые
десять лет жизни он только любит и
опасается, а способно к злодейству
проспавается в нем тогда, когда он на-
учается ненавидеть и грезвратно сооб-
ражать, что народные симпатии исто-
ков веков были на стороне праведни-
ков, что и в самую подлую, предраспо-
лагающую годуна грабит и убивает
даже не каждый сотый, то само собой
приходит на мысль: нравственность —
норма, безнравственность — анома-
лия.

Но тогда получается, что убийцы,
насилники, воры, просто злостные
особи, способные изувечить ближнего,
хотя бы и поделом, суть в той или
иной степени сумасшедшие, причем не
в фигуральном смысле сумасшедшие,
а в самом непосредственном, медицин-
ском: ибо они отрицают идею вида,
как корона, дающая бензи вместо мо-
лона, отрицает идею млекопитания, а
сун из гвоздей — идею кулиантии; на-
рушения в этическом кодексе, правда, не
показывают такой яркой симптоматики,
как дебилизм, но поскольку да-
же ворон ворону глаз не выклюет,
поскольку склонность к тизкому пре-
ступлению может означать только суб-
лимированное душевное нездоровье.
Психиатры с этим, конечно, не согла-
сится, да ведь психиатрия — занятие
темное, более искусство, чем научный
дисциплина, и недаром она с Пара-
цельса, в сущности, не продвинулась
ни на шаг. Ведь у психиатров как: если
выродок, зарезавший одиннадцать че-
ловек, способен определить день неде-
ли и знает, в каком городе он живет,
экспертная комиссия его признает
нормальным — то есть здравомысля-
щим и душевно здоровым объявляется
таинственное существо, зарезавшее
одиннадцать человек, но зато отлич-
ающее среду от четверга, а это по-
лучается то же самое, как если пред-
возгласить слоном плотника Ива-
нова на том основании, что они оба работа-
ют из-под палки и получают за труды
сущую ерунду...

Между тем, даже имея за плечами
среднее образование, легко опреде-
лить большое человекоподобное суще-
ство, поскольку у него души нет, о

чем, в частности, свидетельствует
злобно-тупое выражение глаз и нагло-
вкрадчивые повадки.

ПОЛИТИКИ, особенно из борцов,
сдается, тоже относятся к
скрыто умалишенным. Во вся-
ком случае, недаром так много обще-
го между уголовниками крови и поли-
тиками, особенно из борцов, — то же
их единит большое презрение к лич-
ности человека, к его благу и самой
жизни, и с одинаковой легкостью они
ворочают судьбами детей Божьих ра-
ди удовлетворения собственных инте-
ресов, и так же они чванливы по от-
ношению к «массам», но самое глав-
ное — те и другие физически не в
состоянии жить здорово и заурядно,
то есть просто-напросто наслаждаться
процессом личного бытия, в чем, соб-
ственно, и заключается его смысл,
сформулированный еще умницей Ла-
фатером — все им подай жизнь бур-
ную, исключительную, наполненную
роковыми поворотами и драматическими
событиями, чтобы уж «либо грудь
в крестах, либо голова в кустах»;
жизнь же обыкновенная, малороманти-

как, а оттого, что он ненавидит есте-
ственную жизнь и психически нормаль-
ного человека, что ему легче в тюрьму
сесть, чем отесать, брешо на общих
основаниях с плотником Ивановым; и
насилник грабит и убивает не ради
собственного удовольствия и не по
той причине, что ему иначе противно
жить, а по той причине, что отсутст-
вие души погружает его в злобное
беспокойство, и посему для него по-
ти не имеет значения результат.

То же самое и политики:
они, конечно, могут исходить из самых
возвышенных побуждений, могут, на-
против, ставить перед собой противо-
естественные задачи, но всегда перво-
причиной их деятельности будет бо-
лезненное стремление выйти за рамки
обычной жизни и подняться до тех
высот, с которых у нас отменяются
физические законы.

ИСТОРИЯ революционного дви-
жения в России доказывает,
что это именно так и есть: не
нужно быть очень умным человеком,
чтобы сообразить — 120 блажных
поруководов не в состоянии превратить

не диковинка превращение правове-
рного большевика в махрового нацио-
налиста, а министра просвещения — в
палача; да еще политики в России
строга блюдут Марксов закон отри-
цания отрицания, и том, правда, смысле,
что они последовательно вытаскивают
посев своего предшественника, толку-
ся на одних и тех же скудеющих пло-
щади, почти не продвигаясь по пути
общественного прогресса, и поэтому
российская внутренняя политика боль-
ше всего похожа на слепого овра, ко-
торый ходит по кругу на мукомольне.
Ведь если не брать в расчет качест-
венную сторону дела, то вот как бу-
дет выглядеть наша история за по-
следнюю сотню лет: Александр II
дал стране относительную свободу,
Александр III свернул на тоталитар-
ный режим, Николай II дал стране от-
носительную свободу, Ленин свернул
на тоталитарный режим, Хрущев дал
стране относительную свободу, Бреж-
нев свернул на тоталитарный режим,
Горбачев дал стране относительную
свободу, но уже показали себя борцы,
готовые продолжить укорени-

го на нам представляется фигурой пер-
востепенной, главенствующей над
всем, деятелем как бы даже неземного
происхождения, хотя он через пень-
колоду объяснял по-русски и слыхом
не слышал о Шекспире.

Даром, что наша пословица «Бог
шельму метит» намекает на то, что
вовсе не трудно распознать готового
пациента и прямое детское сатаны:
будь этот «гений всех времен и наро-
дов» самой чарующей внешности — а
он обыкновенно дьявольски привлека-
телен, — всегда в нем найдется не-
пропорциональной головы Ленина,
сухой ручки Сталина, мертвецкого ли-
ца Кальвина или смешного пуза На-
полеона, Даром, что сделаться выдаю-
щимся политиком — это все же не
теорией относительности сочинить, у
нас это дело простое, плевое, стоит
только сказать по телевизору одну и
ту же глупость шестнадцать раз, вос-
славить политическую платформу
Ивана Грозного, предьявить умопом-
рачительные претензии к сопредель-
ному государству — и вот вы уже
кумир, о котором судачат многие
миллионы.

А ВПРЧЕМ, понятно, почему
политик, вызывает у русского
человека острый и никогда не
простывающий интерес. Потому что у
нас не Греция, и от любого выскочки,
от какого-нибудь отделено взятого
железного пузыря зависит каждый час
его искрометной жизни.

Хотя и то верно, что разные быва-
ют политики, встречаются среди них
и великие созидатели, и редкие про-
ходимцы, и, конечно, Герцена со
Ждановым не сравнишь, однако они
все же одного поля ягоды, как ни чу-
долично это имолинт, только пер-
вый, допустим, морюшка, а второй
упоительно бузина. Ведь оба они
стремились перековать действитель-
ность на свой лад, пренебрегая бого-
данными историческими законами,
как то: один желал для России соци-
алистической республики, тогда как
она была невозможна и не нужна; дру-
гой же, кровь из носу, строил ноени-
зированной культуру, лукаво назы-
ваемую пролетарской, которая члена
по своей сути, как квадратное коле-
со. В том-то все и дело, что, каким
политиком ни будь психически не-
уравновешенный человек дурным или
благонамеренным, расчленившим или
без царя в голове, — займте это и
высшей степени праздное и бессмыс-
ленное, ибо глельза способствовать хо-
ду Солнца и противиться Антарктиде,
ибо течение времени и все без изъ-
ятия политические превращения пред-
определены Богом-отцом, какого
можно квалифицировать и как объ-
ективные законы исторического раз-
вития, так что правы марксисты, от-
рицающие роль личности в поступа-
тельном движении человечества, за
исключением той личности, что незна-
чай попадет в масть.

Да только, на беду, таким образом
устроены политики из борцов, зову-
щие народы вперед, назад, вбок и за-
коулками, что им закон не писан, что
у них, как говорит, шило в извест-
ном месте, по причине притупленно-
го душевного нездоровья их все вре-
мя, подмывает задить кровью алтарь
отечества во имя, например, общест-
венной собственности на средства про-
изводства, даром что всего через
семьдесят лет им споня потребуется
хозяйка, или на предмет черноморских
проблем, или ради познания к рыб-
скому состоянию, предпринимательной
цензуре, телесным наказаниям, тамо-
женному флагу, языческому пантео-
ну — словом, либо в завтра, либо в
позавчера. И что самое досадное,
этих борцов и наказывать-то по-насто-
ящему невозможно, так как, во-пер-
вых, политический бандитизм обычно
не наказуем, а во-вторых, ну что ты с
ним поделаешь, если он сумасшед-
ший и сам из ведает, что творит.

До поры до времени томится такой
юридичив в безвестности, прозябает,
пакостничая по мелочам, положим, об-
лечит тех разбойников, которые на
тот момент стоят у государственного
штурвала, а то что-нибудь сочиняет и
таскается по редакциям, но вот на-
ступает великий день, когда этот ша-
лопай расправляет крылья: а подать
сюда Карабак! — и начинается про-
должительная война, которая так ни-
чем и закончится, ну ни один квадрат-
ный метр земли не сдвинется со сво-
его места, несмотря на тысячи трупов
и сожженные города; или — а слабо
реорганизовать армию по образцам че-
тырнадцатого столетия?! — и дико об-

лаченные молодцы бросаются пороть
граждан за непоказанный образ мыс-
лей, а уморившись, садятся писать
обидное письмо турецкому султану, в
результате которого смиренное
государство приводит свои воорууже-
ные силы в повышенную готовность;
или — а вот мы возродим Сибирское
ханство во главе с потомком хана Ку-
чума, который, правда, на данный мо-
мент тачает сапоги в городе Арзамасе,
— и уже калется по кухням након-
ечники стрел, вспоминаются досто-
рические обиды, приходят в движение
взбалмошные нефтяники и летит с по-
стамента памятник Ермаку. И хотя
последнему двоечнику понинто, что
невозможно сдвинуть с места Эльбрус,
даже если положить на это дело жи-
зни нескольких поколений, борен
чтоже сумняшея и соответствующую
партию образует, и атомной бомбой
обзаведется, да, пожалуй, еще и на
ближайших выборах победит.

ТО, ЧТО сумасшедшие поровит
воплотить в действительности
свои навязчивые идеи, — это
понятно и особых нареканий не вызы-
вает, но мы-то, дурни, здесь при чем,
точнее сказать, зачем мы потакаем
кровавым бредням? Или уж на то мы
и дурни, чтобы как один человек под-
ниматься по зову каждого бедолага,
которому невтерпех показаться миру
— дескать, поглядите, каков орец?...
Наверное, так и есть, потому что ина-
че не объяснишь дурацкую нашу долж-
ность, ну, хотя бы в деле развала
СССР: если исходить из того, что го-
сударственная независимость — это
не то, что хочется, а то, что можется,
нужно быть, конечно, редкими обор-
мотами, чтобы привести к власти
скрыто умалишенных, которые устро-
ят нам посиделки у разбитого корыта,
которые кто в «административном
восторге», кто со зла, кто с похмелья
расколют на куски естественно сло-
жившуюся державу, совместно, того
ради, что некогда счетоводам очень
лестно преобразиться в президентов,
вице-президентов, министров, послов и
разных атташе.

Но, с другой стороны, что с возу
упало, то пропало; по той простой
причине, что всему свой срок, капнула
в Лету Вавилонское царство, держава
Карла Великого, Китайская, Британ-
ская, Французская империи, теперь
вот Советская, как бы социалистиче-
ская, империя приказала долго жить,
однако пытаться восстановить ее на
прежних основаниях — только беса
тешить, потому что у этих попыток
будет единственный результат — кровь,
кровь, кровь. Наконец, вполне есте-
ственным был распад нашего естест-
венно сложившегося государства: поско-
льку рано или поздно, а нужно было
кончать с феодальными формами бы-
тия — ведь даже в Африке есть цивили-
зованные страны, где чтут правовые
нормы и можно легко купить вареную
колбасу, — поскольку переход из
XIV столетия в XX предусматривает
широкие демократические свободы,
которыми неминуемо воспользуются
народы, прежде не имевшие своей го-
сударственности в полном смысле, но
имевшие множество претендентов на
мировую известность и разные завле-
кательные посты — поскольку распада
Советской империи следовало ожи-
дать.

Другое дело, что альянс дурня и
сумасшедшего обесценил латерно
исполнительной власти, хозяйственную
разруху вместо рыночного рынка и анар-
хию вместо свободы и центра и на ме-
стах, но тут уж ничего не поделаешь
— либо феодальная империя, либо
здоровая жизнь, соответствующая нор-
мам современной цивилизации.

Конечно, жалко былой державы, ко-
нечно, зло берет на кишизских да
киешских бишбузуков, конечно, стра-
шно, когда рушится привычный нор-
док жизни, но куда страшнее, когда
миллионы дурней под водительством
сумасшедших покушаются на закон
всемирного тяготения, мечтают вер-
нуться в рзное стойло, к привычным
пустым яслям, под начало душевно-
больных расделей народных, кошевых
хлебом не корми, дай только на наших
костях возвыситься над безвестно-
стью. То есть сумасшедшие наши не
такие уж сумасшедшие, потому что
они знают, чего хотят и как задеть
публично за живое, например, указав
на биржевых жуликов как источник
бед, тем более что они жулики-то и
есть, но дурни — прямые дурни, ибо
они заигнательны и доверчивы, как
младенцы, так что в другой раз и не
разберешь, где сумасшедшие, а где
дурни.

Вячеслав ПЬЕСУХ Дурни и сумасшедшие

ческая, наполненная законными удо-
вольствиями и праведными трудами,
вызывает у них непопнтное отвраще-
ние, тем более настораживающее, что
обыденное существование — вовсе не
удел посредственности и не следствие
неудач, а роль, завещанная от Бога.
Сказано же: «Благенны кроткие,
ибо они наследуют землю», — иными
словами, это мы, трудящиеся, страж-
дущие, обделенные, суть хозяева на
планете, ее устроители и кормильцы,
и не Лев Давидович Троцкий творец
истории, а плотник Иванов и сапож-
ник из Арзамаса. По крайней мере
безвестный поэт Хвостов получал не-
сколько не меньше удовольствия от
литературных трудов, чем Пушкин,
Колумба судьба отбалагарил бо-
лезню и нищетой, Спизоза горько
жалел о том, что пренебрег аптекар-
ским ремеслом, и вообще великие ми-
ра сего были не счастливые «малых
сих», потому что жизнь дается, напер-
ное, для того, чтобы наслаждаться и
созидать, но обязательно привлекая к
себе общественное внимание, а не за-
тем, чтобы бежать от милиции, бороть-
ся против закона всемирного тяго-
тения, мяться по тюрьмам и чтобы те-
бе и конце концов проломил голову
колуном, даже только тогда мы до-
стигнем счастья, когда здоровая пси-
хика станет вещь обыкновенной, как
карандаш, то есть когда мы освобо-
димся от детского тщеславия и суе-
тных устремлений.

Это еще Федор Михайлович До-
стоенский прозрел, что политики и
урки, в сущности, близнецы-братья,
нынеда Родиона Раскольникова, ко-
торый легко соединил в себе бытовую
уголовщину и эгополитическую идею;
замечательно, что этот нервный и оз-
лобленный недоучка, который в наше
время, поди, таскался бы по редак-
циям с невразумительными стихами и
кончил бы тем, что учредил несу-
разную партию, если бы прежде не
зарезал какую-нибудь вдову за бутылку
водки, и горячо бредил судьбою
Наполеона, и преступление свое совер-
шил в невменяемом состоянии, и глав-
ное, презрел награбленный матери-
ал. Ведь вор крадет не оттого, что
хочет сделать первоначальное накоп-
ление капитала, и даже не оттого, что
у него, бедняги, руки приделаны кое-

феодалную империю в республикан-
ское государство, потому что для это-
го, помимо добрых намерений, тре-
буются соответствующие экономиче-
ские предпосылки, третье сослоие,
скодько-нибудь грамотное население,
способное ориентироваться в полити-
ческой обстановке, и даже если бы эти
120 поручиков победили, Россия все
равно вернулась бы к тирании как к
единственно возможному тогда спо-
соби социального бытия; не нужно быть
очень умным человеком, чтобы сооб-
разить — индивидуальный террор,
осуществляемый десятком-другим пла-
менных юношей против высших чи-
новников государства, не может раз-
валить организацию власти, а лишь
обернется бессмысленными жертвами
с обеих сторон и дискредитацией всего
демократического движения; након-
ец, не нужна быть великим умником,
чтобы сообразить — нельзя сначала
учредить общество равного благо-
денствия, а затем приступить к возста-
нию «поного человека», ибо преж-
ний, беспорядочный человек, творя-
щий подлое бытие, которое определяет
соответствующее сознание, непре-
менно идею этого общества извратит,
до полной противоположности зага-
данному изгадит и извратит, так что
совсем не случайно вернулись мы на
круги своя, в весну семнадцатого го-
да, к дооктябрьскому строю жизни.

Из всего этого вытекает, что наши
политико-революционисты в отли-
чие от политиков-эволюционистов
никогда не соизмеряли побуждения
со средствами, желаемое — возмож-
ным, что ими руководил не трезвый
расчет, но в лучшем случае личное
благородство, не позволяющее ми-
риться с пакостной государствен-
ностью российской, а поскольку это
были люди в большинстве своем
отнюдь не глупые, хорошо образован-
ные и неверующие, невольно приходишь к
мысли: что-то тут не так, кажется,
налицо то самое нехорошее бесполой-
ство, которое выбивает человека из
накатанной колеи. Это подозрение
тем более основательно, что часто
борцу не важно, какая волна подни-
мает его на высоты, откуда у нас от-
меняются физические законы, и, в
сущности, дело случая, какая ему вы-
падает роль, по крайней мере у нас

шуюся традицию. И не так мож-
жит любопытно, что там, дескать, за
новый хан Батый, расписавшийся со
скромной специализацией счетовода,
несет нам иго из грозной мглы, не так
огорчат попрос — а может быть, мы
действительно дикари, и нам нельзя
давать даже относительную свободу,
поскольку она у нас вечно выливается
в половачные плиски, в отвратитель-
ную вахханалию бандитов и дураков,
как терзает недоумение: а стоит ли
все это канитель миллионов загублен-
ных жизней, и что это за история, по-
хожая на круговорот воды в природе,
но только со знаком минус, и кто та-
кие эти борцы, раз за разом разбиваю-
щие сосуд отечественной государствен-
ности, который затем приходится
склеивать потом и кровью нашего от-
чужденного народа? Ответ, предостере-
гательно, будет тот, что эта канитель не
стоит выведенного яда, что столетия
наша история есть плод творчества ве-
личайших бездельников и редкостных
недотеп, что сами борцы — некоторым
образом сумасшедшие, потому что им
важна не идея, не результат, не про-
цесс и даже не личная выгода, а важ-
но им, хоть душа нон, показаться че-
ловечеству в каком-нибудь причудли-
вом, свежем виде; за этот диагноз го-
ворит, например, то грешное предпо-
ложение, что Хрущев мог вполне на-
ступить в роли Сталина, родись он
немного раньше, а Ленин, родись он
значительно позже, мог взять на себя
освободительную миссию Горбачева.
Тут поневоле взгрустнешь о монашеской
форме пранения, которая по
крайней мере отрешает сапожника от
пирожников, страдающих малпией
величия, от государственного руля.

Между тем серьезный политик тот,
кто всего-навсего сверяет бытовое вре-
мя с астрономическим, аккуратно под-
заводит часы и не подпускает к ним
шалую ребятню, рядовой служитель
истории, которого мы не знаем, ко-
торого нам и знать-то вроде бы ни к
чему, потому что он скромно делает
свое дело, а мы свое. Да в том-то все
наше историческое несчастье, что вос-
точнее Немана такие угодники издрев-
ле были наперечет, что у нас политик
— все больше любитель поковырять
пальцем в часовом механизме и по-
переводить стрелки туда-сюда, из-за че-

436